

роны Хмельницкаго не вполне добровольнымъ. Въ переговорахъ съ Москвой Хмельницкій шель дальше. Въ одной изъ своихъ «статей» Хмельницкій предлагалъ, чтобы дань съ Украины взималась въ царскую казну оптомъ, и его посланцы поясняли, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду порядокъ, подобный тому, какимъ уплачивали дань турецкому султану Венгрія, Молдавія и Валахія, а такой порядокъ потребовать бы и созданія той или иной краевой власти. Это предложеііе было легко отброшено въ Москве, но его наличие во всякомъ случае свидѣтельствовало, что мысль объ автономіи Украины не была вполне чужда Хмельницкому въ моментъ его переговоровъ съ московскимъ правительствомъ.

Съ признаніемъ этого факта остается все же въ полной своей силе основной выводъ Д. М. Одиіца, сводящійся, какъ указано, къ тому, что путемъ достигнутаго въ этихъ переговорахъ соглашенія присоединенію Украины къ Московскому государству придана была форма инкорпораціи ея последнимъ, причемъ такой результатъ былъ полученъ въ значительной мѣрѣ благодаря политическому и соціальному консерватизму козацкой старшины и возглавлявшаго ее гетмана.

В. Мякотинъ.

Литературное Наследство, 22-24. Журнально-Газетное Объединеніе. Москва, 1935, IV+800.

Этотъ новый томъ «Литературнаго Наследства» составленъ очень удачно. На первомъ мѣстѣ неизданныя «Философскія Письма» П. Я. Чаадаева. Впервые теперь эта роковая книга становится доступной въ полномъ объеме, и пріоткрывается загадка религіознаго опыта Чаадаева. Это была именно книга, но написанная подь образомъ письма. И вовсе не «мрачный обвинительный актъ противъ Николаевской Россіи», какъ говорилъ Герценъ. Чаадаевъ отрицалъ Россію вообще, — не только отвергалъ, но именно отрицалъ, отрицалъ ея историческое существованіе. Россія внѣ исторіи, не принадлежитъ къ составу человечества, «рода человеческого», — это какъ бы нѣкая мнимая величина. Это не критика существующихъ порядковъ, это не публицистическое, но исторіософское сужденіе... «Философскія Письма» были задуманы, какъ очеркъ системы. Чаадаевъ былъ подь сильнымъ вліяніемъ французскаго традиціонализма, всего больше подь вліяніемъ Ламенне (ранняго періода). Среди его книгъ сохранились экземпляры «Essais sur l'indifférence» и «Défense de l'Essais», со многочисленными отметками его руки, и близость Чаадаева къ этому «великому писателю нашего времени», какъ самъ онъ его называлъ, совершенно очевидна. Чаадаевъ развиваетъ все основныя идеи «теократической школы», объ Откровеніи, о слове, о традиціи и покорности, о единстве человеческого рода, о родовомъ единстве человеческой мысли. Съ этимъ связанъ замыселъ историческаго синтеза, который долженъ объять и совместить всю полноту исторической памяти и преданія. «Это слияніе — все предназначеніе христіанства...

Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предель и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великой апокалиптической синтезы». Католическая симпатия Чаадаева несомненна. Но это была действительно «революционный католицизм», по выражению Герцена, и в нем (как и у Де-Местра) очень сильно сказывается общее мистическое возбуждение эпохи. Чаадаев подчеркивает опасность записанного предания, «В религиозной жизни все теперь основано на букве, и подлинный голос Воплощенного Разума пребывает нѣмым». И даже Новый Завет точно устарѣл. «Так может ли это древнее слово всегда вещать Мiру съ той-же силою, какъ въ то время, когда оно было подлинною речью своего века, действительно силою данного момента! Не долженъ ли раздаться въ Мiре голосъ, связанный съ ходомъ исторiи, такой, чтобы его призывы не были никому чужды, чтобы они одинаково гремели во всехъ концахъ земли, и чтобы отзвуки и въ нынешнемъ вѣкѣ наперебой его схватывали и разносили изъ края въ край вселенной... Слово, — обращенный ко всемъ векамъ глаголѣ, — это не одна только речь Спасителя, это весь Его небесный образъ, увенчанный Его сияниемъ, покрытый Его кровью, съ распятиемъ на кресте... Воображаютъ, что стоитъ только распространить эту книгу по всей землѣ, и землѣ обратится къ истинѣ: жалкая мечта... Думаютъ найти асе Его наследіе въ этихъ страницахъ, которыя столько разъ искажены были различными толкованіями, столько разъ сгибались по произволу... Его Божественный разумъ живетъ въ людяхъ, такихъ, каковы мы и каковъ Онъ самъ, а вовсе не въ составленной Церковью книгѣ»... Чаадаевъ говоритъ о Церкви, и реальность Церкви, какъ единого тела, противопоставляетъ Библии, какъ книге; но говоритъ онъ новаторскимъ языкомъ: «языкомъ вѣка, а не устарѣлымъ языкомъ догмата, который сталъ непонятенъ»... Сложеше взглядовъ Чаадаева остается пока еще не совсемъ яснымъ. Несомнѣнно, онъ много читалъ въ периодъ работы надъ своими письмами. «Сидитъ одинъ взаперти, читая и толкуя по своему Библии и отцовъ Церкви», писалъ Жихаревъ А.п. Ив. Тургеневу (1829 г.). Чаадаевъ изучалъ тогда и Канта, две первыхъ критики, во всякомъ случае. Къ сожалѣнію, изданъ пока только переводъ, а не французскій подлинникъ «Философскихъ Писемъ», и врядъ ли переводъ всегда вполне надеженъ.

Изъ другихъ матеріаловъ, собранныхъ въ этомъ томѣ «Литературнаго Наследства», нужно особо отметить автобиографическую главу К. Н. Леонтьева, «Моя литературная судьба», Пріѣздъ въ Москву и поступленіе въ Угрѣшскій монастырь, 1874-1875 гг. (комментаріи С. Дурьлина). Леонтьевъ рассказываетъ о своихъ встречахъ и несогласіяхъ съ Катковымъ, съ Аксаковымъ. О славянофильствѣ онъ отзывался резко, видитъ въ немъ духъ «вторичнаго смѣшенія». И замыслу «вечевой реставраціи» онъ противопоставляетъ «административный папизмъ», усиленіе власти вселенскаго патріарха. «Каждая церковная реформа у насъ въ духе первыхъ вековъ православія, имеющая въ виду приблизить насъ къ первому вѣку христиан-

ства, вмѣсто этого приблизить насъ еще больше къ той-же самой Европе»...

Есть много любопытныхъ данныхъ въ дневникахъ кн. В. О. Одоевскаго, «Текущая хроника и особая проишествія», 1859-1869 гг. Заслуживаютъ вниманія и письма Победоносцева къ Е. М. Феоктистову (дубликація и комментарий I. Айзенштока). Интересна статья Б. Энгельгардта, Фрегать Паллада, написанная въ качестве введенія къ «Путевымъ письмамъ И. А. Гончарова изъ кругосветнаго плаванія», Изъ мелкихъ заметокъ въ этомъ томе нужно отметить прежде всего статью Л. П. Гроссмана «Гражданская смерть Ф. М. Достоевскаго», статью Л. Ужевскаго, Вокругъ «Обрыва». Д. Шаховской издалъ небольшую прокламацію (отрывокъ), писанную или списанную рукой П. Я. Чаадаева, 1848 г. Б. Бухштабъ далъ обзоръ «Литературное Наследство Фета». Въ концѣ тома по обычаю данъ обзоръ «новыхъ поступленій» въ архивы. Особо описанъ архивный фондъ б. Главнаго Управленія по деламъ печати (статья Л. Полянской).

За пять лѣтъ (съ 1932) въ вышедшихъ томахъ «Литературнаго Наследства» издано было много свежаго матеріала по исторіи русскаго общества и немало изслѣдованій по этимъ еще нетронутымъ документамъ. Отдельный томъ посвященъ Пушкинскому наслѣдству, особый томъ Гете, одинъ томъ XVIII-му веку, два тома Щедрину. Матеріалъ собирается, конечно, довольно пестрый и не всегда действительно ценный. Въ первыхъ томахъ, впрочемъ, было больше о Марксе, Энгельсе, Ленине. Последующіе томы превратились скорѣе въ историко-литературный архивъ стараго времени. Во вступительныхъ статьяхъ, а иногда и въ комментаріяхъ, все-же проводится партійная установка. Очень ценны библиографическіе обзоры по отдѣльнымъ писателямъ... Во всякомъ случаѣ «Литературное Наследство» слѣдуетъ признать очень полезнымъ изданіемъ.

Г. В. Ф.

Н. Н. Алексѣевъ. «Пути и судьбы марксизма». Изд. Евразійцевъ. 1936.

Эта небольшая книжечка делится на две части, равныя по объѣму, но неравныя по внутренней ценности.

Первая часть касается философіи Маркса и Энгельса, первоначальной и въ последующихъ ея наслоеніяхъ и видоизмѣненіяхъ у Маркса и Энгельса. Въ этой части работа очень содержательна и поучительна. Она даетъ сжатое, иногда только слишкомъ схематическое, но яркое и научно-объективное изложеніе элементовъ и напластованій, изъ которыхъ составилось то, что носитъ общее наименованіе марксизма.

Не будучи марксистомъ, Н. Алексѣевъ все же въ значительной мерѣ его реабилитируетъ: онъ прослеживаетъ глубинные истоки марксизма и вскрываетъ ограниченность и философскую поверхностность эпигоновъ Маркса, считающихъ себя служителями и жрецами его ученія.

На практикѣ, особенно въ Россіи, марксизмъ оказался отрицані-